

от ориентировочных указателей на местоположение объекта (Цветкова, 2012: 107). Эти ойконимы неудобны в обращении и тяготеют к однословности. Среди безаффиксальных большую часть составляют названия в форме качественных прилагательных, а также существительных, указывающих на физико-географические признаки объекта.

Самым продуктивным типом и резко доминирующим в названиях населенных пунктов является аффиксальный тип, который представлен различными словообразовательными моделями. В образовании онимов участвуют как суффиксы имен существительных, так и суффиксы имен прилагательных. В связи с различными выполняемыми ими функциями значение выявленных суффиксов дифференцируются: в каждой группе ойконимов они несут различное значение. Суффиксы -ск-, -ов, (-ев)-, -ин- и -н- выступают в ойконимах в роли относительных суффиксов. В образовании названий старооскольских сел они достаточно продуктивны, что обусловлено значимостью тех персон, которые были первыми жителями наших поселений.

Литература

1. Завёрткина, Е. В. Ойконимия и её ингерентные особенности [Текст] / Е.В. Завёрткина // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 68-72.
2. Мурзаев, Э.М. Очерки топонимики [Текст] / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
3. Никонов, В.А. Введение в топонимику [Текст] / В. А. Никонов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2012. – 184 с.
4. Цветкова, Е.В. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике топонимов [Текст] / Е.В. Цветкова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 4. – С. 106-109.

Abstract. the article provides a derivational analysis starooskolskij oikonyms are characterized by four structural-derivational type in the formation of names of settlements of the area.

Keywords: placenames, toponymy, structural and derivational type, toponymy.

Шубина Н.Г.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Старый Оскол, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Старооскольский филиал)
Shubinang@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются примеры изменений в семантике заимствованных слов в русских народных говорах, обусловленные лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: диалектная лексика, заимствования, трансформация семантики слова, лингвистические и экстралингвистические факторы

Лексические единицы языка, отражая специфику ментальности того или иного народа, тесно связаны с историческими процессами развития национального языка и культуры. При этом особая роль отведена диалектному слову: изучение лексики современных говоров позволяет не только выявить и сохранить ценнейшие сведения о традиционных русских народных говорах, но и помогает глубже осознать структурное, семантическое и стилистическое богатство русского языка, проследить влияние народной речи на становление и развитие литературного языка, а, следовательно, ответить на многие вопросы истории языка и истории народа. Диалектный язык сохраняет не только сведения о контактах русского народа, но и о способах освоения иноязычного материала. В литературном языке заимствованное слово чаще всего употребляется в значении, свойственном языку-донору. В народной речи семантика вновь приобретенного слова может изменяться в зависимости от понятийного аппарата носителей языка, обладающих иными представлениями о мире, иным опытом исторического развития.

В русских говорах Старооскольского района Белгородской области при описании бытовой лексики были отмечены слова, активно употребляемые в настоящее время, но этимологически являющиеся заимствованиями. Например, слова *баз*, *байдин*, *груба*, *пунька*, *плант*, *тын*, *хата*, *клуня*, *кухня*, *сарай*, и другие. При описании семантики таких диалектных слов необходимо учитывать их значения в языках-донорах. Рассмотрим некоторые лексемы, активно функционирующие в оскольских говорах и в настоящее время.

Интересна история освоения заимствованного из немецкого языка слово *груба* «яма» (Фасмер, 1986, I: 462). В словаре В.И.Даля данное слово зафиксировано как южнорусское, являющееся наименованием голландской или комнатной печи, особенно изразцовой; или лежанки при печи; а также отмеченное в значении «дымоволок, очельш и труба русской печи» (Даль, 1956, I: 399). В «Словаре русских народных говоров» у слова *груба* отмечено несколько значений: 1) комнатная кирпичная (иногда изразцовая) печь; 2) невысокий длинный выступ у печки – лежанка; 3) обогревающая стена печи; 4) верхняя плоская поверхность печи; 5) часть дымохода; 6) печная труба; 7) боковое углубление в русской печи для жара (СРНГ, 1972, VII: 155). То есть заимствованное слово, полностью освоенное русским диалектным языком, претерпело изменения в семантической структуре. Более того, слово зафиксировано в XX веке не только в говорах, относящихся к южному наречию. Так, в значении «обогревающая стена печи» *груба* употребляется в павлодарских говорах, а значения «верхняя плоская поверхность печи»; «часть дымохода, идущая от отопительной печи к русской печи»; «боковое углубление в русской печи для жара» известны в русских говорах Литвы (СРНГ, 1972, VII: 155).

На основе заимствованных лексем в диалектном языке появляются новообразования, созданные по одному из словообразовательных

типов деривационной системы русского языка. Например, *грубка* является производным от слова *груба*. При образовании существительных от существительных с помощью суффикса *-к-* в производном слове предполагается наличие семы «предмет маленького или меньшего размера», например: чашка, ручка, ножка, лавка сумка и др. Однако только одно из 14 значений слова *грубка*, содержит данную сему: «маленькая печка при русской печи с отдельной топкой и лежанкой» (СРНГ, 1972, VII: 155). Лексиколизированная форма *грубка*, ставшая самостоятельным словом со своей территорией распространения и со своей собственной лексической структурой, отличающейся от мотивирующего слова, семантически дифференцируется в диалектном русском языке: в псковских и смоленских говорах *грубкой* называют железную печь, а в новгородских – яму, в которую помещают глину (в гончарном производстве) (СРНГ, 1972, VII: 157). Такие лексико-семантические особенности позволяют констатировать развитие междиалектной омонимии для рассматриваемого слова.

Лексема *плант*, отмеченная в словарях А.Г. Преображенского и М. Фасмера как заимствование из немецкого в значении «изображение, чертеж плоскости; намерение, расчет вперед, распорядок» (Преображенский, 1959, 2: 67; Фасмер, 1986, III: 273), в говорах сел Староскольского района (села Городище, Солдатское, Владимировка, Шаталовка и др.) употребляется в значении «ряд домов, улица»: [*Вот то ўлица называ́ца щас / а-тада́ плант // ані́ всех аве́ц стереглі́ / у-фсеу́о пла́нта //*]. В результате заимствования в русском национальном языке функционируют две лексемы *план* и *плант*, которые образуют сложное лексическое различие: в литературном языке данные слова, не различаясь семантически, противопоставлены как слово активного запаса – *план* – и архаическое слово пассивного запаса – *плант*; в диалектном языке обе лексемы входят в активный запас, но при этом выступают как паронимы, дифференцируясь семантически в речи носителей говоров.

Лексема же *улица* жителями оскольских сел употребляется в значении «молодежное гуляние»: [*Тада́ па-ха́там хаді́ли / /эта называ́лася ўгри́ца // Ле́там на-дваре́ / ўлица́ там была́ / сабирала́сь маладе́ш //*], [*Тада́ б́ыла па-ха́там ўлица́ // Аткупа́ли у-кау́о мо́жна и-хаді́ли на-ўлицу́ //*] (Городище), [*Са-фсе́х сел на-ўлицу́ схади́лись / как-наседле́ки //*] (Хорошилово). Несомненно, что это значение является результатом метонимического переноса первичного значения. Можно предположить, что слово *улица* появилось в говорах под влиянием литературного языка. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова отмечает многозначность данного слова: 1) два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда, а также само это пространство; 2) пространство, место вне жилых помещений, под открытым небом; 3) среда, лишенная культурного воздействия общества, семьи (Ожегов, 1987: 721). В семантической структуре слова *улица* в литературном языке интерес представляют те семемы, которые свя-

заны с понятием пространства. Именно эти элементы мы находим в семантике слов, имеющих родственный индоевропейский корень *ul (ayl, oyl): прилагательное *ulitъ "полый", др.-русск. *улица* "площадь; улица; проход", русское *улей* первоначально "выдолбленная колода", словен. *ulica* "улица, дорога, по которой гонят скотину", греч. *αὐλός* "продолговатая полость, дудка", *αὐλῶν* "овраг", *αὐλή* "двор", вестфальское *aul* "овраг, луг, впадина, канава" (Фасмер, 1987, IV: 159-160). Как нам представляется, такой сопоставительный ряд дает возможность предположить, что обозначение пространства с помощью корня -ул- в языковом сознании носителей русского языка появляется еще на ранних этапах освоения окружающего мира человеком.

В русском языке известно наименование *сарай*, которое используют для обозначения хозяйственных построек без дифференциации их размера или предназначения. В оскольских говорах *сараем* называют хозяйственную крестьянскую постройку, крытую, без потолочных перекрытий, используемую для хранения имущества, содержания скота или птицы: [... *абнакавѣнные сараи / и-для-птицы и-для-фсѣх / ну-а-шѣ шшѣ // Кур/ям ат҃уарѣжена / ну-на-насѣсте ани сидѣли // Сѣна убяр/ѣм / слѣжыш я҃бѣ у-сараи / идѣ сѣха //*]; [*Сараи у-нас двѣ / у-вадно́м курѣи дѣржым / а-у-дру҃юм щас сѣна складѣим //*]. Действительно, лексема *сарай* в данных примерах имеет сему «хозяйственная постройка».

Наличие этой же семы в значении рассматриваемого слова отмечается и В.И. Далем, который дает такое описание помещения, называемого *сараем*: «...одно из холодных холостых ухажей при доме, для уборки туда повозок, упряжи; иногда для сена, соломы, мякины и пр., или для складки тюков товарных и пр.» (Даль, 1956, IV: 138).

Общепотребительное слово *сарай*, с помощью которого в лексической системе современного русского языке называется любая хозяйственная постройка, не имеет каких-либо территориальных ограничений (Ожегов, 1987: 606) и выступает в качестве синонима для тех диалектизмов, которые еще функционируют в говорах. Слово известно в южных говорах, как исконно русских, так и восходящих к украинскому языку. Например, 92-летняя жительница х. Петровского Чернянского района рассказывала: [*От/эц схотѣл нас тут посѣлѣть / и-хѣту пострѣыл / и-сараи //*], а в селе Осиновка Шебекинского района Белгородской области было записано: [... *сараи був мѣлѣнький для-курѣи //*]. Широко распространено наименование *сарай* и в украинских говорах: оно известно в восточнорусских говорах с начала заселения Слободской Украины (Глуховцева, 1997:178). Лексема *сарай* фиксируется и в севернорусских говорах, но со значением «вся хозяйственная часть крестьянского дома». Например, в Архангельской области говорят: [*Повѣть тут у-мен/я ф-сарае //*] (Верхняя Паденьга Холм.); [*Купѣли дом / ещѣ сараю нету //*] (Волосово Плес.).

Примеры употребления слова *сарай* в речи жителей разных территорий подтверждают, что сема «любая хозяйственная постройка в

целом» в значении слова *saraj* выделяется и южных, и в северных говорах. При этом возможна специализация использования помещения и в лексическом значении слова, выступающего в более узких, специализированных, значениях, мы наблюдаем семантическую дифференциацию. Так, в различных тверских говорах наблюдается противопоставленность значений слова: *saraj* – 1) верхняя часть двора, место над хлевом, где хранится сено или солома, 2) постройка для дров, 3) постройка для сушки снопов без печки. 4) то же, что хлев (с его широкой, в свою очередь, амплитудой местных значений, связанных с содержанием крупного и мелкого скота, общим наименованием «помещение для скота»), 5) место под хлевом, 6) постройка для хранения сельхозинвентаря (ТСГТО, 2002: 128).

Лексема *saraj* функционирует во многих славянских языках, например, в словацком *sàraĭj*, чешском *saraj*. В болгарском языке слово *saraj*, заимствованное из турецкого языка, известно в значении «дворец, палаты, большой дом», однако для современного болгарского языка рассматриваемая лексема является устаревшей (БРС, 1966: 594). Данное название известно и другим языкам: ит. *seraglio*, англ. *serai*, нгр. *сарáων*, *сарáγιον*, *сарáγη* (Преображенский, 1959, 2: 972), причем, часто используется для обозначения чистого и уютного помещения: в армянском *ширш* – «салон, галерея» (Гарибян, 1982: 1066), французское *serial* (*serre*) – «замок» (ФРС, 2001: 285).

Слово *saraj* тюркского происхождения, по мнению М. Фасмера, заимствовано русским языком через турецкий, кыпчакский, уйгурский, татарский языки: для всех названных языков лексема *sarai* известна в значении «дом; дворец; караван-сарай; комната для жилья; стойло; тележный сарай», в тюркских же языках оно восходит к персидскому *serai* «дворец, палаты» (Фасмер, 1986, III: 560). В словарях древнерусского языка слова *saraj* мы не находим (Срезневский 1989). Его появление на южной территории Русского государства связывают с татаро-монгольским влиянием на протяжении XII–XVI веков, а также тюркским влиянием и в последующий период. М.Фасмер указывает на употребление слова в литературе не ранее XVII века (Фасмер, 1986, III: 560).

Современному русскому языку, как и его говорам, слово *saraj* активного лексикона, известно в значении «крытое строение для различного имущества, обычно без потолочных помещений» (Ожегов, 1987: 606), что значительно отличает его от слова в языке-доноре. Изменение семантики у заимствованной лексемы, как нам представляется, могло быть вызвано как лингвистическими факторами, так и экстралингвистическими. Русский язык на момент заимствования лексем уже имел номинант жилой постройки (изба, дом, хата), поэтому активно употребляемое иноязычное слово и изменяет семантику. В то же время характер многовековой истории отношений между славянскими и тюркскими племенами и негативное восприятие русским человеком элементов культуры тюркских народов могли послу-

жить экстралингвистическими причинами трансформации лексического значения слова.

Приведенные примеры сохранившихся в русских говорах слов, служат иллюстрацией того, что носители национального языка, осваивая иноязычный материал, подвергают его переосмыслению, отражая в процессах изменения семантики особенности языковой национальной картины мира. Диалектный язык, обладающий большим запасом консерватизма, аккумулирует в своей системе те факты, в которых непременно находят отражение неязыковые константы культуры. Заимствованные слова, являясь элементом иной культуры и изменяя свою семантику в системе диалектного языка, отражают особый механизм заимствования лексики русскими говорами: слова подвергаются семантической трансформации на основе культурно-национальных особенностей заимствующего языка.

Литература

1. Болгарско-русский словарь / Сост. Бернштейн С.Б. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 768 с.
2. Гарибян, А.С. Русско-армянский словарь. – Ереван: Айастан, 1982.
3. Глуховцева, К. Динаміка складу назв господарських приміщень у східно-слобожанських говірках // Український діалектологічний збірник. Книга 3. – Київ: Довіра, 1997. – С. 177-194.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: ГИС, 1956.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987.
6. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959.
7. СРНГ – Словарь русских народных говоров / АН СССР – М.; Л.: Наука, 1965-1987.
8. Срезневский, И.И. Материалы к словарю древнерусского языка: в 3 т. Репринт. изд. – М.: Книга, 1989 т. I ч.1,2 -1420 с.; т. II ч.1 – 852 с.; т. III.
9. ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1 // Под ред. Т.В. Кирилловой и Л.Н. Новиковой. – Тверь, 2002.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4-х т. – М.: Прогресс, 1986-1987.
11. ФРС – Французско-русский и русско-французский словарь для школьников: Грамматика: Лексика к разговорным темам / Сост. В.П. Грабовский. – Киев: А.С.К., 2001. – 698 с.

Abstract. The article discusses differences in the semantics of dialect lexicon in the Russian national dialects due to linguistic and extralinguistic factors.

Keywords: dialect words, borrowed words, transformation of the semantics of words, linguistic and extra-linguistic factors